

В АКТОВОМ зале пахло хорошо высушенной терпкой травой, напоминающей осенью и зимой о летнем солнце, — той степной травой, которой хозяйки в селах украшают стены самой дорогой, самой нарядной комнаты — каса маре...

До начала спектакля оставались считанные минуты. Приглушенно звучала музыка в глубине сцены, шелестели в руках зрителей программы — в каждой из них лежал стебель травы.

На просто гостей — всех зрителей пригласила в свою каса маре, в свою жизнь молодая вдова Василиуца.

— Веселитесь и печальтесь вместе со мной, добрые люди, ешьте мой хлеб, пейте мою воду — я не могу без вас...

Так можно было бы передать словами один из внутренних монологов Василиуцы, ибо не только речью раскрывает характер героини Тамара Истратий. Что-то выходит за рамки игры, не поддается словесному обрамлению, прорывается во взгляде, улыбке, жесте. Это «что-то» передает сложный мир человеческих чувств, не распадающийся на составные части, не поддающийся трезвому анализу.

В драме Иона Друцэ «Каса маре» любая реплика даже второстепенного, на первый взгляд, героя поднимает такие глубинные эмоциональные пласты, что думающему, чувствующему актеру остается только начать жить на сцене — иначе не «выплыть», не убедить зрителя в силе и правде чужих переживаний. Чья заслуга в том, что актеры — все! — «выплыли», не потонули в сложном материале пьесы! Конечно же, режиссера-постановщика Виталия Цапеша

(сколько было репетиций, сколько срывов, сколько нервного напряжения!), и, конечно же, самих актеров, стремившихся донести мысль и чувство до зрителя, донести и не расплескать...

— Пьеса Друцэ многопла-

грано, а прожито несколько жизней. Смысловая нагрузка исполняемого была настолько объемной, что она и не муждалась в фоне.

Четыре стены комнаты — четыре декорационных полотна, выполненных художниками

шевным состоянием главной героини. Все в спектакле происходит рядом с ней и кровно с ней связано. Она хозяйка каса маре — жизни, в которой всем хватит места: «Проходите, люди добрые, садитесь...» Она не

тально сниженном до бытового фоне разговоров трех соседок (Валентина Пласкевич, Мария Овчар, Виктория Ревенко) отчетливее выделяется недостижимая высота любви, обреченной на гибель.

«Человеческая чистота» Па-

тье, которое достанется только нашим детям. А если сын обидит тебя, то ты прости ему — ведь дети, они всегда знают меньше того, что знаем мы, родившие их.

Было ли действительно написано погибшим на фронте мужем Василиуцы то единственное, главное, заветное письмо, которое силится вспомнить Петре? Возможно, было. Но скорее всего, это еще одна мечта, еще один пласт, заставляющий зрителя домысливать, дорисовывать.

— Как жаль, что у нас только одна земля и одно единственное небо, — медленно произносит Василиуца последнюю фразу. И — мелодия «Пелиницы». И — дружный, восторженный гул зала...

— Я очень боялся премьеры, — признается Виталий Цапеш. — В таком возрасте актерам трудно понять до конца одну из самых нелегких пьес...

И только после его слов вспоминаешь: да это же самодеятельный, совсем еще молодой театр, а играет в нем семнадцатилетние актеры! Где же грань между профессионализмом и любительством? Ежедневные репетиции допоздна после учебного или рабочего дня (у многих актеров — учащихся ПТУ — сейчас практика на заводах), максимальное приближение к высокому уровню исполнения роли, ежечасное выстраивание себя заново во имя приобщения к святым святым — театру... Это ли не профессионально?

«Каса маре» — четвертый спектакль драматического народного театра-студии Кишиневского ГПТУ-36. Позади — не менее ответственные спектакли: «Человек. Время. Пространство» (по мотивам стихот-

ворений Э. Межелайтиса), «А зори здесь тихие» (по Б. Васильеву), «Разван и Видра» (по Б. П. Хаждеу — имя которого носит театр).

Для Виталия Цапеша, студента ГИТИСа, работа в студии — лучшая проверка творческих сил и возможностей. Три года работает он с одним и тем же составом: двадцать актеров — учащихся ПТУ, двадцать интересных, многообещающих характеров, раскрыть которым помог театр! Ребята эти пережили все трудности начала, все радости первых успехов: в прошлом году коллективу было присвоено звание народного, за спектакль «А зори здесь тихие» ЦК ЛКСМ Молдавии наградил театр Почетной грамотой, Анатолий Бурлаку и Екатерина Монаку, начинавшие в студии, ныне стали студентами театрального училища имени Щукина.

Многие ребята в этом году заканчивают училище. Труппа обновится...

«Еще один праздник прошел», — сказал после премьеры Евгений Крамаренко — заместитель директора ГПТУ-36 по учебно-воспитательной работе.

Именно с образованием театра, своего театра училище стало для подростков еще ближе и родней. Здесь учатся не только будущей профессии — учатся думать, чувствовать, любить жизнь во всем ее многообразии. Здесь, как и в любом доме, уже есть свои традиции и праздники. Своя каса маре.

Л. ФЕЛЬДШЕР.

НА СНИМКАХ:

Такой увидели зрители Василиуцу — Тамару Истратию.

Сцена из спектакля.

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ СЦЕНА

КАСА МАРЕ ЖДЕТ ГОСТЕЙ...

нова. Каждый выберет в ней для себя особо близкое. Для меня она прежде всего — о человеческой чистоте, с которой все мы рождаемся, и о человеческом одиночестве — невыносимом и противоестественном состоянии души, с которым на свет не рождается никто, — так попробовал выразить основную мысль спектакля Виталий.

В его постановке нет внешне смелых и оригинальных режиссерских находок — есть открытие иного плана. С поразительной художественной достоверностью на сцене было не сы-

Юрием Аксентием и Ионом Власом. Четыре времени года: весна, лето, осень, зима, как четыре поры человеческой жизни — детство, юность, зрелость, старость. Задумано интересно. Яркие краски декораций оправданы в самом начале, в предчувствии Василиуцы любви, сбывающихся надежд, «Пелиницы» — танца уходящей, тающей на глазах молодости. Прошла «Пелиница», умолкли скрипки... Наверное, стоит поменять декорации: их яркость, праздничная веселость кажутся излишне контрастными, не совпадают с ду-

жалуется, не плачет, не копит обиды:

— Что бы тебе такое дать, Павзлаке, чтобы ты долго помнил меня... Возьми себе на память эти четыре скрипки, эту «Пелиницу», без начала, без конца, и все-таки красивую. Пусть памятью тебе будет это ясное небо и эта наша добрая земля со всем, что растет на ней и что должно еще вырасти со временем...

Васиуца и Павзлаке — центр притяжения всех героев пьесы. На сцене Тамара Истратий и Владимир Боля равновелики, равно великодушны. На комическом, бытовом, созна-

взлаке защищает от призаманности Элеонору (Раиса Плъмэдялэ) с ее выдуманной свадьбой (платье, купленное в Москве, скрипки, гости и цветы).

Выстрадавшую, выношенную в себе правду проповедуют устами своих героев Ион Котунэ (отец Василиуцы), Константин Верстюк (отец Софийки), Валериу Урсу (отец Павзлаке). А правда бесспорна. Поэтому и не спорят дети с отцами. Вот обращается к Василиуце Петре, бывший фронтовик:

— Видать, суждено нам было на коленях добывать сча-

стья, которое достанется только нашим детям. А если сын обидит тебя, то ты прости ему — ведь дети, они всегда знают меньше того, что знаем мы, родившие их.